

Е. Л. Сараева

Систематика мещанства в концепции Иванова-Разумника

В статье анализируются идеи русского историка начала XX в. Иванова-Разумника о типах мещанства в России в эпоху Николая I.

Ключевые слова: Россия, история, мещанство, интеллигенция, Иванов-Разумник, С. С. Уваров, уваровская триада «православие, самодержавие, народность».

E. L. Saraeva

Systematics of Lower Middle Classes in Ivanov-Razumnik's Concept

In the article ideas of the Russian historian of the beginning of the XX-th century Ivanov-Razumnik about types of lower middle classes in Russia during the epoch of Nikolay I are analyzed.

Keywords: Russia, history, lower middle classes, intelligentsia, Ivanov-Razumnik, S. S. Uvarov, Uvarov's triad "Orthodoxy, autocracy, nationality".

Мещанство – сложное социокультурное явление, имеющее базовые и репрезентативные (конкретные) элементы. Применение типологического метода позволяло Иванову-Разумнику выявить его систематику – общественные типы, группируемые по степени сходства и сложности компонентов.

Выделив основные черты мещанства (узость, плоскость, пошлость, антииндивидуализм), Иванов-Разумник представил его вариации, отличавшиеся различным набором качеств. Систематика мещанства конструировалась им сначала путем создания идеального типа мещанина, атрибутами которого стали, с его точки зрения, узость, умеренность, аккуратность, антииндивидуализм, а затем моделирования его инвариантов, отличавшихся некоторыми качествами. Мыслительный образ мещанства формировался им зеркальным методом – определения антипода индивидуализма. Теоретический конструкт мещанства Иванов-Разумник воспринимал как идеальную модель, с которой далее следует соотносить репрезентативные типы – реально существовавшие в жизни, с целью их систематизации, концептуализации явления мещанства в целом.

Инварианты мещанства Иванов-Разумник находил в художественных сочинениях писателей-реалистов, знакомых с разными типами личности и воспроизводивших их черты в своих художественных образах. Историк осуществил *моделиро-*

вание и интерпретацию мещанина как культурно-социального типа, выявив его характерные черты. Он верифицировал понятие «мещанин», изучая ментальное пространство и повседневные практики русского общества XIX в. Мещанство, с точки зрения Иванова-Разумника, было многолико, в реальной жизни и художественном пространстве существовал «бесконечный ряд мещанских типов». Систематика мещанства позволила Иванову-Разумнику выделить несколько его основных видов – растительное, духовное, бюрократическое, этическое [1, с. 209]. Образ растительного мещанства – «тихая и мирная жизнь в глухой провинции», когда хлебом единым жив человек. Духовное мещанство – обыденная, благоразумная жизнь, ориентированная на общепринятые стандарты, шаблонный образ мысли. Бюрократическое мещанство – формальное исполнение чиновниками своих обязанностей, когда служба становилась целью жизни, условием удовлетворения человеком основных потребностей. Бюрократическое мещанство было порождено официальным мещанством. Этическое мещанство характеризовалось нежеланием признавать за личностью ее права на индивидуальность.

Культура русского общества второй четверти XIX в., по мнению Иванова-Разумника, была осмыслена Н. В. Гоголем. Писатель выявил особенности ментальности разных типов личности, в том числе мещан, «проходящих через неулови-

мую градацию от идеалов желудка, растительной жизни, “растительности” – этого первого этапа на пути к мещанству – до идеалов духовного мещанства» [1, с. 209]. Образы чиновников, созданные Гоголем, характеризуют *бюрократическое мещанство*, знаковой чертой которого стало сосредоточение служебных интересов исключительно на исполнении документов, причем внимание чиновников было обращено преимущественно на внешний вид «бумаг». Гоголь утрировал типы чиновников, «и в этой выпуклости их – их главное значение. И прежде чем мы увидим в Акакии Акакиевиче человека, ... мы увидим в нем чиновника, жизнь, загубленную канцелярией и бумагой, общее следствие бюрократического мещанства дореформенной России» [1, с. 212]. По мнению Иванова-Разумника, Гоголем в первом томе «Мертвых душ» достигнута высшая точка в изображении бюрократического мещанства. Иванов-Разумник привел мнение Пушкина о таланте Гоголя создавать образы пошлых людей: «Пушкин был глубоко прав, говоря Гоголю, что “еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека”» [1, с. 213–214].

Соответствовали ли образы чиновников, созданные силой воображения Гоголя, реальным социальным типам в среде российской бюрократии николаевского времени? Имеют ли они репрезентативный характер? Этот вопрос, сформулированный еще современниками Гоголя, получил различные ответы. Сам Гоголь, отказавшись в 40-е годы от критики российской действительности и стремившийся найти путь спасения России от пошлости в духовном совершенствовании, утверждал, что создал карикатуры чиновников, но уже первые читатели «Ревизора» и «Мертвых душ» восприняли его характеристики типов провинциальных дворян и чиновников разных уровней как правду жизни. Для Пушкина Гоголь был писателем-реалистом. В. Г. Белинский считал, что Гоголь «крепкой силой неумолимого резца» выставил «выпукло и ярко» « всю страшную потрясающую силу мелочей, опутавших нашу жизнь, всю глубину раздробленных, повседневных характеров, которыми кишит наша земная, подчас горькая и скучная дорога» [1, с. 214]. В. Розанов называл художественные образы Гоголя безжизненными, нереалистичными. Иванов-Разумник пояснял, что реализм не сводится к фотографичности, а жизненные типы не являются фотографиями. Реализм образов Гоголя Иванов-

Разумник трактовал как создание типов посредством выделения родственных черт. Он не склонен был видеть в гоголевских персонажах карикатуры. Писатель не воспроизводил действительность, а осмысливал ее, типизируя черты социального поведения в образах своих литературных героев, считал Иванов-Разумник.

Духовное мещанство как разновидность мещанства, по мнению Иванова-Разумника, представлено в произведениях И. А. Гончарова «Обыкновенная история» и «Обломов». Носителем мещанской морали и идеалов в первом произведении был Адуев-старший, представлявший официальное мещанство в частной, домашней жизни [1, с. 225–226]. Адуев-старший, чиновник и фабрикант, имел четкие представления о стандартах жизни: цели и сфере деятельности, уровне доходов и комфорта, круге общения. Он воспринял и воспроизводил в своей жизни установки, признанные в деловом мире, позволявшие в нем адаптироваться, обеспечить успех и репутацию. Какие черты ментальности и поведения Адуева-старшего Иванов-Разумник идентифицировал с мещанством? Неотъемлемыми атрибутами мещанина, определяемыми Ивановым-Разумником, были плоскость чувств (умение управлять своими чувствами), узкий и холодный мещанский эгоизм, проявлявшийся в общении с нужными по службе людьми; отсутствие друзей и духовно близких людей; стремление к комфорту. Все остальное за набором этих требований к образу жизни – ничто, не имело никакой ценности. Такое сочетание ментальных установок и отсутствие развитых духовных запросов, стремления к проявлению своей индивидуальности Иванов-Разумник оценил как *эгоизм мещанина*, не испытывавшего даже потребности в любви, не знающего сострадания, ему женщина нужна в доме лишь для порядка. Иванов-Разумник отметил стремление эгоистов-мещан к жизни ясной, размеренной и определенной. Тип эгоистов-мещан существовал и ранее, пояснял Иванов-Разумник. Но эпоха официального мещанства создала возможность считать их положительным типом, а также «почву для пышного расцвета сотен и тысяч таких Адуевых» [1, с. 229]. Иванов-Разумник ввел новое нарицательное название мещанства – «адувщина», назвав Адуева-старшего символом «сухого и плоского мещанства эпохи величия бюрократии и мундира...» [1, с. 229].

Разновидностью мещанства была *обломовщина* – «синоним апатии, бездеятельности и вообще растительной жизни» [1, с. 229–230] – *расти-*

тельного мещанства». Растительное мещанство Иванов-Разумник ассоциировал с пассивностью, переходящей в апатию: «...трудно и скучно даже двигаться, ходить; естественное, нормальное состояние Обломова – лежанье» [1, с. 231]. Другая сопряженная с первой черта растительного мещанства – бесстрашие, отрицающее значимость всех чувств и волнений, даже любовных, тревожащих привычный покой, ставший самоцелью. Трафаретность и инертность характеризуют стандартизированное, никогда не меняющееся, однообразное, покойное существование. Образ жизни этого типа мещанина Иванов-Разумник создал в следующей картине: «Идеал этой растительной жизни – мирное житие, сытость и безделье: “Жил бы без горя, без забот, и прожил бы век свой мирно, тихо, никому бы не позавидовал”» [1, с. 231]. *Безличность* – базовая черта всех проявлений мещанства, в том числе растительного.

Сравнивая образы героев (Адуева из «Обыкновенной истории» 1847 г., Обломова и Штольца из «Обломова» 1858 г.), созданных Гончаровым, Иванов-Разумник, идентифицируя их с мещанами, проследил изменение их характеристик и появление других разновидностей мещанства. С развитием общества, расширением его сфер деятельности и модификацией социальной культуры, появлением других стандартов жизни и ментальности эволюционировало и мещанство, полагал Иванов-Разумник. Если в 30–40-е гг. девятнадцатого века доминировало консервативно-чиновничье мещанство, то с 50-х гг. заявило о себе «умеренно-гуманное и либеральное». Эволюция мещанства прослеживалась в появлении новых его форм, но оно сохраняло содержание, резюмировал Иванов-Разумник. «И мещанство Штольца стало гораздо проницаемое для веяний времени сравнительно с тупым, деревянным мещанством чиновника-фабриканта Адуева» [1, с. 235].

По мнению Иванова-Разумника, «умеренно-гуманное и либеральное» мещанство Штольца отличалось от бюрократического более широким взглядом на жизнь. Но он оставался исключительно прагматичным (например, грамотность нужна крестьянам, чтобы они лучше знали, как пахать землю, что должно принести выгоду дворянам), постановкой вопроса о цели жизни, понимаемой как труд, определяющий образ и содержание жизни. «Умеренно-гуманное и либеральное мещанство» Штольца Иванов-Разумник относил к типу *духовного мещанства*, чуждого саморефлексии, «проклятых вопросов» о смысле

жизни, назначении человека, стремления к индивидуализации личности. Иванов-Разумник писал о равнодушии мещан к творчеству своего «Я»: «Проклятые вопросы» отскакивают от него как горох от стены...» [1, с. 235]. Мещанин Штолец, имевший рассудочное сознание и свою жизненную программу, никогда ни над чем мучительно не задумывавшийся, благополучно адаптировавшийся к существующим условиям обеспеченной жизни, ассоциировался в сознании Иванова-Разумника с «приходно-расходной книгой», поскольку он «и физически, и нравственно живет по бюджету» [1, с. 233].

В понимании Иванова-Разумника, духовное мещанство представлено такими чертами, как «атмосфера умеренности и размеренности», благовоспитанность, сдержанность, узость интересов, прагматизм мышления, ориентация на личные интересы, стремление увеличить свои доходы. Оно упраздняет «навек все запросы», лежащие за его кругозором: «...вне своей мещанской цели Штолец пассивен и бессилён...» [1, с. 236].

Ярким представителем, идеологом этического мещанства, его апологетом, по мысли Иванова-Разумника, был писатель И. А. Гончаров, опубликованная переписка которого раскрывала душевно-психологические качества его личности [1, с. 242]. Иванов-Разумник обратил внимание на желание Гончарова жить в абсолютной тишине, не нарушаемой никем и ничем: «Знаете, чего я ищу и почти не нахожу ни в каком углу мира: это простой тишины, но такой, как могила! Нет нигде: вот здесь с улицы (к счастью нечасто) доходит стук колес, в зелени птицы трещат. А главный мог враг – это фортепиано. В доме его нет, а через улицу кто-то бренчит. А мне нужно совсем уйти в себя, в свой мир и чтоб ни один звук не вторгался в область моей фантазии! Но где найдешь эту тишину» (письмо от 18 июня 1868 г.). В другом письме Гончаров повторял: «Я ищу идеала безусловной, почти *могильной тишины*» [1, с. 247–248]. Иванов-Разумник трактовал тоску Гончарова по тишине как поиск средств ограждения своих обнаженных нервов, стремление «замкнуться от мира в узкой скорлупе одинокой личности. (...) И я думаю, что этот облик Гончарова можно определить двумя не противоречащими друг другу словами: *больной мещанин*» [1, с. 248].

По мысли Иванова-Разумника, интеллигенция не просто обособилась от мещанства, а вступила с ним в борьбу и победила: «Люди тридцатых и сороковых годов, западники, славянофилы, Белинский, Герцен дали этическому мещанству ре-

шительную битву – побежденное мещанство рассеялось, было туманом при светлой заре шестидесятых годов» [1, с. 261]. Не разделяя пафоса Иванова-Разумника по поводу победы интеллигенции над пошлостью и узостью мышления эгоистов, я полагаю, что мещанство как тип ментальности и образ жизни невозможно было «победить», то есть уничтожить в такие короткие сроки – за одно десятилетие, тем более, что «николаевское» поколение исповедовало мещанские идеалы и транслировало их новому поколению.

Какова роль Иванова-Разумника в осмыслении мещанства как духовного явления? Историк включил вопрос о мещанстве в проблемное поле исследования социокультурного развития общества, отведя ему место не маленького сюжета, а сквозной темы со своей структурой и содержанием. Впервые в русской мысли он исследовал мещанство как тип сознания, ментальности, личности, образа жизни. Применение метода типизации позволило ему выявить базовые черты духовного мещанства – узость, плоскость чувств, души, сознания, пошлость, безличность, умеренность. Иванов-Разумник представил разновидности мещанства: официальное во властной сфере и различные проявления мещанства в частной жизни. Эпохой расцвета официального мещанства стало время правления Николая I. Не занимаясь всесторонним анализом теории официальной народности как государственной идеологии, Иванов-Разумник выбрал свой ракурс ее осмысления – характеристика правительственной политики по отношению к частному человеку. Суть ее он характеризовал как определение границ дозволенного и запрещенного в различных сферах культурной деятельности, формулирование за подданных целей их жизни, требований к социальному поведению, норм морального кодекса, то есть отличительной ее чертой было стремление дисциплинировать и регламентировать даже социально-нравственную сферу существования человека. Историк привел убедительные доказательства стремления власти поставить личность под административно-полицейский контроль, лишив ее права на свободу творчества своего внутреннего мира.

Немаловажные ракурсы анализа этой темы – выявление отношения мыслящих людей к официальному мещанству и последствий его насаждения. Интеллигенции были чужды идеи официального мещанства, она противопоставила ему индивидуалистическую картину мира, заявлял Иванов-Разумник. В концепции историка офици-

альное мещанство характеризуется как внешние условия деятельности интеллигенции, в современной трактовке – исторический контекст житнетворчества мыслящих людей. Оценивая его как жесткий режим, подавлявший личность, историк в то же время утверждал, что интеллигенты, поставленные в условия противостояния власти, вынуждены были ясно и принципиально заявить о своей индивидуалистической системе ценностей, создать свое смысловое пространство, не имеющее точек соприкосновения с официальной концепцией жизни человека.

Оригинальный спектр изучения идеологической политики государства в николаевскую эпоху, определенный Ивановым-Разумником исследованием, – воздействие идейно-нравственных установок власти на духовную жизнь общества с целью навязать ему свою программу поведения и служения монархии. По мысли Иванова-Разумника, правящим кругам удалось повлиять на выбор жизненных ориентиров людей, создав и навязав свой идеал службы императору как высшей цели жизни.

Развивая мысль Иванова-Разумника, можно дополнить, что служба рассматривалась многими людьми в период правления Николая Павловича как предпочтительная сфера деятельности. Успешность человека оценивалась в общественном сознании, прежде всего, по такому критерию, как достижение высокого чина. Служба становилась самоцелью. В общественном сознании укоренились определенные базовые идеи, выработанные идеологами российского самодержавия в эпоху Николая I. В сферу регламентации со стороны правительства попала ценностно-этикетная сторона взаимоотношений между властной элитой и подданными, сущностные черты которой – признание за монархом права определять судьбу России и направление жизни общества, с одной стороны, с другой – благодарное воспроизведение частными лицами всех установленных свыше правил социального поведения. Практика претворения в жизнь официальных рекомендаций заключалась в усвоении подданными смыслов, предложенных правящими силами обществу.

По мнению Иванова-Разумника, поколение людей, испытавшее влияние теории официальной народности, духовно погибло, было заражено мещанскими идеалами. Воспринимая трактовку Ивановым-Разумником последствий утверждения официального мещанства, считаю, что идейное противостояние интеллигенции политике «подавления личности» позволило сохра-

нить и преумножить пласт гуманистической культуры в России. Только интеллигенция в контексте своего творчества защищала право человека быть независимой личностью. Универсальная идея свободы и достоинства личности, усвоенная и творчески развитая в текстах русских интеллектуалов, стала матрицей их ментальности, культуры «русской европейскости». Интеллигенция выполнила свою задачу критического осмысления российской действительности в период господства идей Уварова, противопоставив им ценности личности, свободы, творчества, правопорядка.

В николаевское время усилилось отчуждение интеллигенции от той части общества, которая была сориентирована на мещанские идеалы. Интеллигенция, духовно «отрезавшись» от мещанской среды, продолжала, хотя и в очень сложных условиях, творить гуманистическую культуру.

Проблема различий ментального пространства интеллигенции и мещанства – одна из центральных в исследовании Иванова-Разумника. Историк смоделировал типы мещан, воспринимаемые нами как условные схемы анализа мещанства, воспроизводившие основные его черты. По его мысли, официальное мещанство породило стереотипы сознания и схожие по содержанию такие разновидности мещанства, как «бюрократическое», «растительное», «духовное», «этическое». Общими их чертами стали узость мышления, замкнутого на интересах частной жизни, плоскость эмоций, сдерживаемых равнодушием к окружающему миру, пошлость, проявляющаяся в эгоизме, чуждом душевного благородства, непризнание ценности индивидуальной личности. Различия между ними не были существенными, проявлялись больше в сфере деятельности или, наоборот, в полной бездеятельности, а также в сочетании некоторых интересов и представлений о жизни.

Осмысление Ивановым-Разумником феномена интеллигенции в рамках бинарной оппозиции «интеллигенция»/«мещанство» было удачно выбранным ракурсом интерпретации ее культуры, знаковые черты которой противопоставлены ментальности других социальных групп.

Библиографический список

1. Иванов-Разумник. История русской общественной мысли [Текст] / Иванов-Разумник: в 3 т. – М.: Республика; ТЕРРА, 1997. – Т. 1. – 416.

Bibliograficheskiy spisok

1. Ivanov-Razumnik. Istoriya russkoj obshhestvennoj mysli [Tekst] / Ivanov-Razumnik: v 3 t. – M.: Respublika; TERRA, 1997. – T. 1. – 416.